

DOI: 10.22363/2618-897X-2025-22-1-141-154

EDN: HKBZKC

Научная статья / Research article

Архетип «Дом — Антидом» в художественном пространстве марийских повестей второй половины XX — начала XXI века

М.В. Рябинина^{ORCID}

Марийский государственный университет, г. Йошкар-Ола, Российская Федерация

✉ mari.riabinina@yandex.ru

Аннотация. Исследование посвящено анализу особенностей реализации бинарного архетипического образа дом/антидом в структуре марийских повестей второй половины XX — начала XXI в. На материале произведений марийских прозаиков Ю. Артамонова, Г. Алексева, М. Илибаевой, М. Ушаковой устанавливаются функциональные особенности архетипа: дом — фон, где развиваются события, дом — средство характеристики его обитателей, дом — действующее лицо, художественный персонаж произведения, дом — отражение современной действительности. Если в 1970–1980 гг. дом выступает уютным, безопасным местом, объединяющим семьи, связывающим поколения, хранящим верность заветам предков; с конца XX до начала XXI в. трансформируется в антидом, в чужое, мрачное пространство, становится символом разрушения природной гармонии, потери сакральных ценностей, привычного уклада жизни.

Ключевые слова: марийская литература, проза, марийская повесть, архетип, образ дома, антидом

История статьи: поступила в редакцию 14.10.2024, принята к печати 12.12.2024.

Конфликт интересов: автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Для цитирования: Рябинина М.В. Архетип «Дом — Антидом» в художественном пространстве марийских повестей второй половины XX — начала XXI века // Полилингвистичность и транскультурные практики. 2025. Т. 22. № 1. С. 141–154. <https://doi.org/10.22363/2618-897X-2025-22-1-141-154>

The Archetype of the Home — the Anti-Home in the Literary Space of the Mari Novels of the second half of the 20th — beginning of the 21st century

Marianna V. Ryabinina^{ORCID}

Mari State University, Yoshkar-Ola, Russian Federation

✉ mari.riabinina@yandex.ru

Abstract. The study is devoted to the analysis of the features of the realization of the binary archetypal image of the House-the Anti-Dom in the structure of the Mari novels of the second half of the 20th — beginning of the 21st century. Based on the works of Mari prose writers Yu. Artamonov,

© Рябинина М.В., 2025

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License
<https://creativecommons.org/licenses/by-nc/4.0/legalcode>

G. Alekseev, M. Ilibaeva, M. Ushakova establish the functional features of the archetype: the house is the background where events develop, the house is the means of characterizing its inhabitants, the house is the actor, the artistic character of the work, the house is a reflection of modern reality. Whereas in the 1970s and 1980s, the house was a cozy, safe place that unites families, binds generations, and remains faithful to the precepts of their ancestors; from the end of the 20th century to the beginning of the 21st century, it has been transformed.

Key words: Mari literature, prose, Mari story, archetype, image of a home, an anti-home

Article history: received 14.10.2024, accepted 12.12.2024.

Conflict of interests: The author declares that there is no conflict of interest.

For citation: Ryabinina, M.V. 2025. “The Archetype of the Home — the Anti-Home in the Literary Space of the Mari Novels of the second half of the 20th — beginning of the 21st century.” *Polylinguality and Transcultural Practices*, 22 (1), 141–154. (In Russ.) <https://doi.org/10.22363/2618-897X-2025-22-1-141-154>

Введение

Дом — один из базовых архетипов, значимых практически во всех национальных культурах и связанных с самыми существенными сторонами человеческой жизни. Его проявление в художественной литературе привлекает сегодня внимание многих исследователей (см., например, [1–7] и др.). Есть аналитическое рассмотрение и его бинарного варианта «дом/антидом» (см., например, [8; 9] и др.). Архетипический образ дом/антидом в марийской литературе рассматривается нами впервые.

Понятие «дом» исследователями изучается в разных аспектах. Его основное значение зафиксировано в словарях русского языка как «здание, семья, очаг». В.С. Непомнящий обозначает лексическое значение дома в русской культуре следующим образом: «Дом — жилище, убежище, область покоя и воли, независимость, неприкосновенность. Дом — очаг, семья, женщина, любовь, продолжение рода, постоянство и ритм упорядоченной жизни, „медленные труды“. Дом — традиция, преемственность, отечество, нация, народ, история. Дом, „родное пепелище“ — основа „самостоянья“, человечности человека, „залог величия его“, осмысленности и неодинокости существования. Понятие сакральное, онтологическое, величественное и спокойное; символ единого, целостного большого бытия» [10. С. 198].

М.М. Морараш, рассматривая дом в русле семантико-когнитивного исследования, говорит о пространственном предназначении дома, разделяя его на «свое» и «чужое»: «... дом — (1) «свое» пространство, замкнутое пространство (огражденное от внешнего мира); (2) место жизни человека, его родина; (3) защищенное убежище человека, противопоставленное всему остальному «чужому» и обычно враждебному миру; (4) центр семейного очага, место, объединяющее родных и близких людей; (5) средоточие уюта, тепла, комфорта, красоты; (6) место, к которому человек эмоционально привязан» [4. С. 107].

Е.В. Шутова, исследуя значение дома на примере западноевропейской культуры, отмечает, что дом предстает в ней как «точка интенсивности, концен-

трированного существования человека, место локализации гуманистической модальности его бытия», как «точка траектории движения экзистенциального путешествия в поисках себя» [9. С. 85]. Производное от «дома» понятие «бездомье» понимается ею «как лишенность дома, то есть места, где человек живет». Е.В. Шутова выделяет два измерения бытия «бездомья»: «социальное как выражение безродности человека в отечестве и неукорененности в социальном мире и духовно-культурное» [9. С. 85] (бездомность в значении бездуховности).

В мари́йских повестях второй половины XX — начала XXI в., ориентированных на традиционную ценностную систему, образ дома, выполняя самые разнообразные функции (дом как фон, где строятся сюжетные линии; дом как средство описания внутреннего мира хозяев помещения; дом как отражение современной действительности; дом как персонаж произведения), сохраняет свое архетипическое значение (наиболее значимыми в этом плане являются произведения Ю. Артамонова).

Однако с конца столетия в период грандиозных социальных потрясений, когда устоявшийся уклад, миромоделирующий порядок подвергся опустошительному разрушению, понятие «дом» как жизненное пространство человека, семья, Отечество также подверглось трансформации. Исконные ценности были пересмотрены, они приспособлялись к новой реальности, теряя прежние, знакомые и понятные, ориентиры. В художественной литературе второй половины XX — начала XXI в. можно наблюдать значительное изменение традиционной семантики данного образа: дом превращается в антидом. Архетип «антидом» символически обозначает распад бытия, кризис мира в целом, становится символом разрушения онтологической гармонии, сакральной ценности мироздания, божественно-упорядоченного течения жизни (повести Г. Алексеева, М. Илибаевой, М. Ушаковой).

Результаты и обсуждение

Для народа мари, как отмечает прозаик Ю. Артамонов, дом имеет важное значение в его бытии:

...сурт — тиде ныл пырдыж да ныл пусак веле огыл. Тыгак тудо кресаньыклан илемжат веле огыл. Суртым ныл пырдыж але илем веле маньна гын, пугырак шагал лиеш. Суртын чапшыым волтымо але нимолан шотлымо дене итак лектеш. Сурт — тиде эше чатка кудывече, сад, пакча, клат, вўта. Сурт шомакышкак эше пурат ушкал, шорык, сурт кайык, пий, пырыс, тўрза ўмбалне ылыше пўрткайык еш, клат ўмбалне шинчыше шырчык омарта, леваш: йымалне пыжашым ненчыше вараксим. Ялысе айдемылан сурт — пўтынъ тўня, шочын вочмыж гыч тўнгалын, колоткаш шуйналт вочмыж йотке. Кресаньык колен возеш гынат, торашке ок кае, верже тыштак лиеш. Садлан сурт — тиде айдемын рўдў вожишо, тудо

*кресаньыкым ушан-шотаным ышта, кресаньык пашалан туныкта, мланде дене пенгыдын уша*¹ (...дом — это не только ограждения и углы, и не только крестьянская постройка. Назвать домом просто четыре стены или усадьбу слишком мало. Это значит, совсем унижить, оскорбить честь и достоинство имения. Дом — еще и красивый двор, сад, огород, кладовые, хлева. В значение же дома можно добавить коров, овец, кошек, собак, поселившуюся над окошком воробьиную семью, висевший на амбаре скворечник, свившую под крышей сарая себе гнездо ласточку. Для деревенского жителя дом — это весь мир, начиная с рождения до гроба. Даже уходя в потусторонний мир, человек остается рядом с родовым имением. Поэтому дом — это стержневой корень, который учит уму-разуму, крестьянскому труду, крепкими узами связывает жителя деревни с родимой землей).

В творчестве Ю. Артамонова родная деревня, родной край, милый его сердцу дом, обладая всеми архетипическими признаками, становятся традиционной, исключительно притягательной и живительной силой для его персонажей, которые волею объективных или личных обстоятельств оказались (не всегда обдуманно) вдали от родимых мест. Тему малой родины и связанный с нею образ дома как *сурт-пече* (родного очага) писатель развивает от произведения к произведению. Сохраненный ими в душе образ родного дома придает им веру в себя, способствует восстановлению внутренней гармонии, психологического благополучия, побуждает к активной гражданской позиции.

Начав с повести «Возвращение» (1974) и продолжая эту тему в повестях «Когда поют жаворонки» (1975), «Весомый каравай» (1980) и «Петля» (1984), Ю. Артамонов раскрывает глубинную роль «сурт-пече» в развитии характера человека, в формировании его мировоззрения, взгляда на окружающий мир и понимания своего места в нем.

Именно родной дом в повести «Сонимаке пеледыш» (букв. «Цветы мальвы»; название при издании повести на русском языке — «Возвращение») призывает к себе и возвращает к родной земле инженера завода Николая Воронцова, уроженца сельской местности, проживающего в городе. Автор знакомит с персонажем в то время, когда он в середине зимы неожиданно получает отпуск и решает его провести в своей родной деревне, где прошли его детство и юность. Николай, в момент повествования горожанин, внимательно всматривается в жизнь современной деревни, мысленно сравнивает ее с тем, что было в недавнем прошлом, подмечает в ней существенные перемены. Он думает о своей малой родине, которую почти забыл, но где могила его матери, частицей которой Николай себя осознает. Он размышляет о бессмертии души. Автор выра-

¹ Артамонов Ю. Киндет перкан лийже! Повесть // Ончыко. 1980. № 5 С. 36. Здесь и далее везде, кроме цитат из повестей Ю. Артамонова «Возвращение» (перевод Л. Фомина) и «Когда поют жаворонки» (перевод А. Кончица), М. Ушаковой «Монолог старого дома» (авторизованный перевод), перевод с марийского наш. — М.Р.

жает взволнованное, а иногда просто бурлящее эмоциями состояние души героя, прибегая к приемам и формам психологического изображения. Ему хочется кричать от душевной боли и тревожащей душу памяти:

Авай, могай шинчавүд дене чон йёсын шортынат? Кө каласа? Ала пырдыж, конга, малыме вер каласеда ыле? Те вет чыла ужында! ...Тувырмелынак кудывечыш куржын лекте, пенгыде южым шодо тич нале, чурийжым пушкыдо лумыш чыкыш. Тыге ик жап пүгырнен шогышат, изиш лыпланые гай лие. Шүм веле нудештиашла шола өрдыжым тук-тук-тук кыра, пуйто эртен кодым ушештарынеже, тек чыланат колыт маньын, чан йүкла шолтка² (Мама, какими слезами ты рыдала? Кто скажет? Может, стена, печка, вы подскажите? Вы ведь все видели? В одной рубашке он вылетает во двор, во всю грудь вдыхает свежего воздуха, опускает свое лицо глубоко в мягкий снег. Так, сутулившись, стоит какое-то время, немножко успокаивается. Но сердце, готовое взорваться, напоминает о прошлом, и чтобы все услышали, бьет колокольным звоном).

С помощью интерьерного описания и психологических приемов изображения (главным образом, несобственно-прямой речи и психологических деталей) писатель создает образный мир памяти героя, в котором дом предков становится смысловым центром, предметом глубоких размышлений и переживаний главного персонажа. При этом писатель усиливает «ноту традиционной символической ценности Дома как архетипа, что может быть свидетельством утраты, реакцией на номадическую тоску современного человека по своему Дому как родному углу, жилищу предков и уютному пристанищу» [5. С. 110]:

Чемодан пöрт покшелне, шкеже кужу олымбалне шинча. Кудашынат огыл, йырваи ончытеш. Пурла лукышто көтырем конга шинча, ваишарешыже кухня, тудым онга дене шойыштым, кошташ анысыр виш уло, омсаже уке, чарша дене веле петырыме. Кыдеж онаште фотокарточка-влак рамьште кечат: сареш колышо ачаже, тылеч вара кужунак илен шуктышо аваже, пошкудо-влак, палыдыме чурият шукын койыт, икманаш, Воронцов полко. Ончыл окна воктене, кудывече лукышто, кугу үстембал пенгыде йол үмбалне шога. Тудын йыр ала-кунам ондакак, Николай тидым сайын шарна, изи еш погынен шинчын кочкын. Икте уке — чыланат тудым вучен шинченят. Укеже кеч изи лийже, кеч кугу — итак. Садлан ниго вараи кодын огыл, жапыштыже толын шуаш тыршен. Кызыт үстел онаже шелышталт пытен. Ёмбалныже парня кужгыт пурак. Тыгаяк пурак йырваи оза лийын илен. Күвар үмбалне, пүкеныште, фотокарточкыштан, юмонаштан. Мом шонет, парня дене чыла возаи лиеи.

² Артамонов Ю.М. Кайык ўжын ужата: повесть ден ойлымаш-влак. Йошкар-Ола: Мар. кн. изд-во, 1980. С. 16.

*Кушечын тудо тынар погыненже? Вет суртышко ниго пурен лектын коштын огыл. Тудо эре шып шинчен. Ала пöртат айдеме семынак ила, шонгемеш, тоштемеш, көргö вийжым, патырлыкшым пытара, йöриеш шүкшемеш, вара шўйын пыта?*³ (Чемодан стоит посреди избы, сам же [Николай. — М.Р.] сидит на длинной лавке. Той самой, которую видел во сне. Медленно поглаживает ее очоженевшими руками. Весь правый угол у окна занимает огромная печь, напротив нее — маленькая кухонька, отгороженная дощатой крашеной стенкой. Дверей в кухню нет, просто оставлен у печки узкий проход, прикрытый ситцевой занавеской. На стенке в узорных рамках развешаны старые фотографии: отец, погибший на войне, которого Николай не помнит живым и знает только по этой фотографии, мать, близкие родственники, соседи. Есть и совсем незнакомые лица. Незнакомые для него, для Николая. А в общем-то почти все они родственники. Фотографии чужих людей мать не стала бы вешать. К окну, выходящему во двор, вплотную придвинут большой массивный стол, мастеровито, на вечные времена сделанный когда-то еще дедом. Не одно поколение Воронцовых обедало за этим столом. Николай хорошо помнит, как вокруг него собиралась и их небольшая семья. Свято соблюдался старинный обряд: если нет одного, никто не приступит к еде. Ждут хоть малого, хоть старого. Сейчас стол стоит сиротливо и выглядит как бы даже лишним в этой нежилой холодной избе. На клеенке — пыль, толщиной чуть не в палец. Такая же пыль на полу, на полках, на заправленной цветастым одеялом кровати... Николай перевел взгляд на вешалку рядом с кроватью. Висит старая материна фуфайка, демисезонное пальто, побитая молью шаль... Будто только сейчас мать, вышла в хлев управиться со скотиной да что-то замешкалась там. Как все пронзительно знакомо, и как не увязывается с этим чувством застарелая пыль, нежилой подпольный дух, витающий в каждом уголке забытой избы! Наверное, и вещи, и дома старятся так же, как люди. Особенно, если они никому не нужны).

Герой повести Ю. Артамонова «Кайык ўжын ужата» (букв. «Птица провожает, призывая»; название при издании повести на русском языке — «Когда поют жаворонки») Григорий Якимович, волею судьбы оставшийся в военные годы на Дону, на склоне лет не может найти успокоения души, пока не побывает на родине и не увидит родной очаг в далекой марийской деревне, где он вырос, где проходило формирование его волевого и патриотического характера, становление его как будущего бойца — защитника Родины:

Ватыжым помыжалташ огыл манын, Григорий Якимович ятыр жап чытенак кийыш, ик йўкымат ыш лук, ышат энгыралте. Нимыняр тарваныде, пычкемыш туврашыш икмагал ончыш. А шўм тугак чот кыра, пуйто лектынак вочнеже. Теве — тудо, онгышко кидым ок тушкалте гынат, садак

³ Артамонов Ю. М. Кайык ўжын ужата: повесть ден ойлымаш-влак. Йошкар-Ола: Мар. кн. изд-во, 1980. С. 11.

шижеш. Тук-тук... Изишлан шогалмыла лиешат, вара уэш... тук-тук-тук... чўккыдынрак кыраш тўналеи. Чўгыт семын ўрдыжлумак перкала, пуйто тудлан тушто шыгырын чучеш, эрыкыш лекташ толаша. Григорий Якимович шижеш: тудын эше ала-можо коршта. Но шўм алят лыпланен ок керт, садлан мо эше коршта — огешат пале. Вуйышко нимогай шонымаш ок пуро, кап тўнмыла лийын, пуйто вўр шогалынат, могыржаш пуангын, вуйдорыкшат кошкен. Ала-можо кўргыштем тарванен, омыштемат шочмо-кушмо суртемым веле ужам, тудымак веле шонем... Тау, шўмбелем, шижтарышыч. Мый гын — азыр дене йылмем ковылтарен луктышит — садак ом каласе ыле⁴ (Григорий Якимович проснулся давно, но долго лежал не шевелясь, преодолевая боль, чтобы не разбудить жену. Он смотрел на темный потолок, и сердце билось у него неровно и быстро, словно собиралось выскочить из груди, где ему стало тесно и нехорошо. Но Григорий Якимович чувствовал, что кроме сердца у него болит еще что-то, и от этой другой боли оно никак не может успокоиться. «Что-то тронулось внутри. Даже во сне вижу родной дом, слышу, как жаворонок поет...» — говорит он жене⁵).

Обращает на себя внимание психологическая составляющая в описании встречи героя с дорогой ему марийской землей: «Григорий Якимович совсем не чувствовал ветра, ему казалось, что и земля расцвела, покрылась густой зеленой травой — душа его поет, молодеет, обновляется. Идет, выставляя вперед свою палку, сердце поет, глаза, как у обрадованного ребенка, светятся счастьем. Как будто заново родился. Григорий вдыхает свежий воздух родной стороны, во всем теле чувствует облегчение. В сердцах ему хочется, как маленькому ребенку, размахивая руками, пробежаться по милым сердцу местам»⁶. Из этого фрагмента видно, что писатель развивает проблему неразрывной связи «малой родины» с необъятными просторами всей страны. Повествователь, рисуя прощание героя со своей деревней, которую он смог наконец-то посетить, обобщает: «Григорий Якимович идет, все дальше он уходит от своей деревни, от своей первой любви. Но он не один — его провожает жаворонок. Выр-р, выр-р-р — летит вслед за ним, поднимается выше, спускается, едва не касается земли. Будто от столба к столбу тянет линию проводов, прокладывает невидимую глазу связь от родной деревни и до самого Дона».

Влечет к себе, зовет и бережит душу родной дом и Анатолия Орехова, главного героя научно-фантастической повести Ю. Артамонова «Шўрга» (Петля), которому после службы в армии вместо возвращения на родину предлагают остаться на сверхсрочную:

⁴ Артамонов Ю. М. Кайык ўжын ужата: повесть ден ойлымаш-влак. Йошкар-Ола : Мар. кн. изд-во, 1980. С. 175.

⁵ Артамонов Ю.М. Малиновые облака: повести и рассказы / пер. с марийского. Йошкар-Ола : Мар. кн. изд-во, 1991. С. 175.

⁶ Там же. С. 206.

Эше икмыняр ийым служитлаш кодаш йодыч, Толя ыш келше. Тудым мӱнгыжӱ, шаршудан уремже, Какшан энгер воктен лыкын-лукин шуйналт вочшо пеледышан олыкшо, Шопкенер воктенак Ӗшкуп чашкерже шупшыныт. Туштак ача-аваже, йӱратыме танже, Олюк. Кузе чыла тидым мондет, мо амал дене кудалтет? Курым мучко салтак лияш пӱралтын огыл. Вара шонгылык вуеш шочмо суртышкет миен пурет мо? Могай чурий дене тудым ончалат? Уке, тегытым нералтыде, миен пурашыжат намыс⁷ (Толя не согласился. Его тянули домой деревенские улицы, покрытые бархатом травы, раскинувшиеся на берегу Кокшаги цветущие луга, роща Ошкуп, шелестящая возле деревни Шопкенер. Там же — отец и мать, любимая девушка Оля. Как же все это забудешь, по какой причине отступишься! Ведь не суждено всю жизнь быть солдатом. Что — потом, на старости лет, зайдешь туда? Какими глазами посмотришь на людей? Нет, стыдно появиться там...).

В этих размышлениях персонажа «сурт-пече» — не только притягательная магическая сила, но и совесть человека, ответственность перед самим собой и односельчанами, перед малой и большой родиной, у которой ты навсегда остаешься в долгу. Марийский писатель, с большой любовью рисуя народный быт, обычаи мари, воссоздавая его моральные ценности, ищет реальные истоки сегодняшней жизненной философии своих лучших персонажей, воспитанных на национальных традициях, которые были привиты им в семье, в стенах родного, уютного, дома.

В повести М. Ушаковой «Тошто пӱртын монологшо» (Монолог старого дома) дом, сооруженный руками хозяев (родителей), на первый взгляд, воплощает идею семьи, рода, связи предков и потомков, реализует архетипическое значение жилища (дома) как «закрытого внутреннего пространства, находящегося в оппозиции наружному, внешнему миру, пространства, дающего покой, безопасность и надежную защиту» [2. С. 48] («Построили-то из деревьев лучших пород, строевой лес рубили в полнолуние. И печь внутри сложили с толком — дым в избу не шел»⁸); как «средоточия универсальных жизненных ценностей — таких как счастье, благополучие и согласие в семье» [2. С. 48] («Элчивий с Павлом дожидались окончания стройки с любовью, радостной мечтой, трепетом»⁹; «Молодые хозяева мне понравились. Они прямо светились от чувств, тщательно скрываемых от людских глаз, чтобы ненароком не сглазили»¹⁰); а также как воплощения материального достатка («Прямо ко мне примыкал большой и густой сад, разведенный хозяевами. Много разных

⁷ Артамонов Ю.М. Перкан кинде: повесть ден ойлымаш-влак. Йошкар-Ола : Марий книга издательство, 1984. С. 112.

⁸ Ушакова М. Быль быльем поросла: рассказы, повести. Йошкар-Ола : Изд. дом «Марийское книжное издательство», 2024. С. 370.

⁹ Там же.

¹⁰ Там же. С. 370.

деревьев посадили..., во дворе водилось много всякой животины, а кур и гусей была целая тьма»¹¹); как места (способа) сохранения традиций и обычаев предков («Соблюдали все обычаи, всякая работа у них спорилась и ладилась»¹²; «Все во мне мыли, протирали, чистили. Выносили в солнечный жаркий двор большие вещи. Сушили и выхлопывали из них пыль. Даже мой потолок от чистоты исходил бликами. Вся семья мылась в бане, одевалась в новые одежды. Весь я пропитывался запахом пирогов»¹³).

Но в одночасье в повести все меняется. Однажды утром Элчивий находит в саду воткнутые в землю по обеим сторонам главной дорожки гусиные крылья. Атмосфера в семье накаляется. Повествование ведется от лица старого дома (антропоморфного персонажа), который «с прискорбием сообщает», что в доме Элчивий рушатся не только связи между родными людьми, вынужденными жить рядом, но и сами представления о дружной семье вообще: жена грызет мужа, дети после окончания школы уходят из дома и не возвращаются обратно, братья и сестры делят между собой «родимое пространство». Происходит трансформация дома в чужое пространство, лишенное любви, согласия, взаимопонимания. Главными характеристиками антидома в повести становятся:

– **ненужность, безразличие**: «Я — брошенный дом. Зачем мне тогда адрес и для кого он нужен? Может, пожарной службе? Мне уже много лет. Снаружи потемнел, состарился, сыплется мох, заложенный между бревнами. Деревня наша состоит из одной улицы, а я самый крайний. Рядом начинается овраг, поросший ольховыми кустами. Возле меня нет места для другого дома»¹⁴;

– **холод**: «Выгрузили в мой подпол корнеплоды, уехали и забыли. Печь сама не топится, избу не согреет. Картошка вся и замерзла. Сам-то я окоченел в эту зиму от холода. Весь вызнобел, так, как и ухитить меня уже считали без надобности. Домовые ушли к банному деду с бабкой. Вчетвером им легче»¹⁵;

– **жестокость**: «После ее свадьбы я видел: Элчивий перед печкой переломил свечку пополам и бросила в огонь. Сама все чего-то бормотала. Прокляла, оканная! Потом, позже, когда Коли не стало, я понял, о чем Элчивий воевала. Страшная женщина — моя хозяйка...»¹⁶;

– **злость**: «Элчивий старела, становилась злее и ворчливее, ходила с вечно недовольным лицом. Никто ей не мог угодить. Ну чего, к слову, не хватало человеку? И так все жили под ее волею. Так нет ведь! Ругается, придирается. Что с ней поделаешь? Я от нее устал. А другие терпели»¹⁷;

¹¹ Ушакова М. Быль быльем поросла: рассказы, повести. Йошкар-Ола : Изд. дом «Марийское книжное издательство», 2024. С. 374.

¹² Там же. С. 370.

¹³ Там же. С. 374.

¹⁴ Там же. С. 370.

¹⁵ Там же. С. 391.

¹⁶ Там же. С. 370.

¹⁷ Там же. С. 377.

– **незащищенность**: «Как? А меня на кого оставят? — всполошился я. Ведь хочется, чтобы со мной была семья, чтобы я был наполнен их радостями, жил с их горестями. Ради этого под небом стою. Старею, конечно. Но не могу представить себя совсем одного. Не сгнию, так смогу сгореть. Самого себя чинить, поправлять, где какую доску поменять — без людей же все это не делаешь. Невозможно. А вдруг какая-нибудь напасть? Тревогу поднять не сумею. В общем, запереживал я сильно. Грустно и худо мне стало»¹⁸;

– **недовольство**: «Родилась и выросла в этом доме, — не унималась Зойка. — Не только твоя, но и моя доля в нем имеется. Не станет матери — как миленький, поровну разделишь, по досочкам разберешь. А я на тебя в суд подам! Хозяин, видишь ли, нашелся»¹⁹.

Так дом «теряет смысл жизни», его «душа» опустошена. Приведем некоторые детали авторской характеристики дома, которые передают внутренние перемены, произошедшие в нем под влиянием жизненных потрясений: «Люди думают, что дом не умеет плакать. Еще как за все переживаю, горюю! Стекла на окнах потеют — люди спешат их вытереть. Кто ведает вот — это слезы мои стекают? На подоконнике для скапливания влаги специальные углубления имеются. Кошка из них обычно любит пить...»²⁰.

В повести М. Илибаевой «Орина кова» (Старушка Орина) авторская концепция дома также представляет трансформацию дома в антидом — пространство, в котором нет уюта и комфорта и который стал источником безразличия, жестокости и страха, одиночества и внутренней дисгармонии. С приходом в семью нового человека, невестки Пестай, своенравной и бесчувственной женщины, традиционное представление о доме как о светлом мире, наполненном теплом, любовью, уважением к близким резко меняется. Дом теряет свою защитную функцию и превращается в место конфликтов и эмоционального насилия.

Бабушка Орина оказывается изолированной в собственном доме, который вдруг становится для нее чужим. Она делает попытки описать свой дом, но останавливается, произнеся лишь несколько фраз. Ей больно воспринимать родной дом в новом, странном для нее, состоянии, она не видит жизненных перспектив в этом доме. Ее собственное бытовое пространство сужается до размеров одной комнаты, от решения пожилого человека уже ничего не зависит, ее никто не видит и не слышит:

Шешкым пуртыммо годсек Орина кова тиде кўртнўй койкышто, лукышто, мала. Омса шелше гыч шиялтарыше мардежат ондак тудлан логалеш. Ушкал телым лиеш гын, презыжым ик-кок арнялан, пўртыш пуртен,

¹⁸ Ушакова М. Быль быльем поросла: рассказы, повести. Йошкар-Ола : Изд. дом «Марийское книжное издательство», 2024. С. 387.

¹⁹ Там же. С. 384.

²⁰ Там же. С. 375.

*тудын койкыж воктек йолыштат. Презын йӱдвошт кывырт-ковырт тарванылмашеш омыжо лугыч лиеда. Шошо велеш комбым тышке пӱкташ шындат. Узыжын йӱкшым колын, ава комбо эр уӱжара денак кычкырлаш тӱнгалеш, адак шонгын омым печкалтарен, чоныш витара*²¹ (После того как в доме появилась сноха, бабушка Орина спит на этой железной кровати, в углу. Пронизывающий ветер из дверных щелей первым делом попадает на нее. Если корова зателится зимой, теленка на недельки две заводят домой, привязывают к ее кровати. Теленок всю ночь туда-сюда передвигается, от его нерасторопных движений сон прерывается. Ближе к весне сюда сажают гуся высиживать птенцов. Услышав голос гусака, гусыня еще до рассвета начинает кричать, пробуждая, изводит старушку).

Чужим становится для нее не только родной дом, но и родной сын. Его слова «*Авай, тый кунам колаш шонет, вара? Колоткалан онамат ямдыленам*» (Мама, а когда ты собираешься умирать? Я для гроба и доски приготовил) глубоко ранят ее невинную душу, доводят до такого состояния, что она замыкается в четырех стенах с личными мыслями и тревогами, пытается сохранить свои воспоминания о прошлом, остро переживая свое одиночество, силой своего воображения она старается заполнить личное пространство, в остром желании высказаться, с кем-то поговорить и как-то облегчить свою душу, начинает общаться с миром мертвых, с мужем, которого давно уже нет в живых. Пестай, стремясь получить в доме всеобщую власть, разрушает традиционные семейные связи, настраивая сына против матери. Это приводит к распаду семейной жизни и внутренней дисгармонии. Таким образом, дом в повести становится не просто физическим пространством, но и отражением душевного состояния героев. Он символизирует утрату традиционных ценностей и эмоциональную изоляцию, что делает произведение актуальным при обсуждении современных социально-нравственных проблем.

В повести М. Илибаевой «Олигарх-влак» (Олигархи) архетип антидома проявляется в форме «бездомья» (лишенность дома — места, где человек должен жить или живет) и художественно реализуется через судьбы беспризорников, которые называют себя маленькими «олигархами», новым классом в государстве, проводя прямые параллели между олигархами и собой: олигархи разбогатели за чужой счет — они тоже пытаются выжить за счет других; для олигархов закон не писан — они также не соблюдают законы; олигархи творят, что хотят — и они живут, как им вздумается. Персонажи повести — жертвы жестоких обстоятельств и социальных проблем; они оказались на улице: одни — из-за эгоизма и равнодушия родителей, которые пренебрегли ими в угоду своей личной жизни и личному «счастью»; другие — из-за алкоголизма родителей, забывших о детях; третьи — из-за того, что мамы, потеряв

²¹ Илибаева М.К. Кумыл: повесть ден ойлымаш-влак. Йошкар-Ола : Марий книга савык-тыш, 2003. С. 55.

работу после закрытия школы, вынужденно уехали на заработки в Москву; четвертые — убежали от насилия и пренебрежения со стороны опекунов и новых семей.

Временным пристанищем, местом существования для «олигархов» («босяков») становится заброшенная комната старого элеватора, которую пытаются хоть как-то обустроить. Это место не только холодное, но и эмоционально подавляющее:

*Пирожок, давай калай конгаши олто! Уремыштат йүштө, көргыштыжат йүштө — чыташ ок лий!*²² (Пирожок, растопи печку буржуйку! И на улице холодно, и внутри — зябко — нельзя терпеть!).

Дети, оказавшиеся в этом замкнутом пространстве «ложного» дома, живут без еды, без средств к существованию:

*Кочмо нерген ойлымым колын, Пирожок шүвүлвүд толмым шиже: «Ен-шамыч кызыт үстембакышты тўрлө чесым погат. А поян-влакшы, сий дене стемын, сўмырлен волаш ямде докан... Кугу лиям гын, пашам ыштен налме оксам дене теммеш ситышашлык кочкышым наламат, мўшкыр тореш кайымеш кочкын шындем»*²³ (Услышав разговор о еде, Пирожок проглотил слюну: «Сейчас люди собирают на стол. У богачей кухни переполнены разными блюдами. Если бы был постарше, заработав, купил бы еды, чтобы досыта наестся»).

Они предоставлены сами себе, лишены защиты со стороны окружающих, не защищены от «враждебного взрослого мира», от чужих глаз:

*Миша, пөлем мучко ыраш төчен тошкыштышыжла, кенета йот вургемым ужо. — Санька, ончо, укена шенгеч хатыштына весе-влак озаланеныт*²⁴ (Миша, пытаясь хоть как-то согреться, потоптался в комнате и вдруг заметил чужие вещи: «Санька, смотри, пока нас не было, в нашей хате успели похозяйничать»).

Дети-беспризорники уязвимы, их «дом» (а по сути, бездомье) — символ страданий и утрат. Их внутренний мир — это бесконечные страхи, тревога, с которыми они безуспешно пытаются справиться; окружающая среда лишь усугубляет такое состояние, она забирает их друзей, отправляет за решетки. Таким образом, бездомье лишает «маленьких олигархов» жизни, собственного мира (личностного существования) и будущего.

²² Илизаева М. Йүксө мурсавыш: повесть ден ойлымаш-влак. Йошкар-Ола : ООО «Газета Марий Эл», 2016. С. 50.

²³ Там же. С. 49.

²⁴ Там же. С. 50.

Заключение

Характеризуя художественно реализованные бинарные понятия дом/антидом на примере марийских повестей второй половины XX — начала XX в., мы приходим к выводу, что первый компонент оппозиции, представленный в основном в повестях Ю. Артамонова, имеет традиционные признаки архетипического образа дома (родовое гнездо, традиции, детство, родной кров, пристанище души и т. д.) и представлен, прежде всего, мотивом возвращения в родной дом. В нем выражен общекультурный смысл «дома» — это не только место, куда человек может вернуться, не только семья, род, но и Родина.

Второй компонент оппозиции «антидом», представленный в повестях М. Ушаковой и М. Илибаевой, обозначен мотивами бездомья, разрушенного дома, отсутствия жизни.

Список литературы

1. Афанасьева А.С. Архетип «дом» в русскоязычной литературе Казахстана // Полилингвильность и транскультурные практики. 2016. № 4. С. 99–107. EDN: UUZHEV
2. Коробейникова А.А., Пыхтина Ю.Г. О пространственных архетипах в литературе // Вестник Оренбургского государственного университета. 2010. № 11 (117). С. 44–50. EDN: MWMMCSJ
3. Крылова О.С. Концепт «дом» в русской словесности и его художественная интерпретация в романе «На ножках» Н.С. Лескова: дис. ... канд. филол. наук. Йошкар-Ола, 2024. 242 с. EDN: CISGRN
4. Морараи М.М. Семантико-когнитивное исследование концепта ДОМ в романе В.В. Набокова «Машенька» // Научный диалог. 2017. № 8. С. 104–115. <https://doi.org/10.24224/2227-1295-2017-8-104-115> EDN: ZEKHNF
5. Прохорова Н.И. Трансформация выразительной формы архетипа дома в современном искусстве // Международный журнал гуманитарных и естественных наук. 2021. № 4–2 (55). С. 109–111. <https://doi.org/10.24412/2500-1000-2021-4-2-109-111> EDN: UWITGO
6. Разова Е.Л. Онтологические формы бытия человека. Концепт «Дом» // Человек. Культура. Образование. 2024. № 1. С. 128–149. <https://doi.org/10.34130/2233-1277-2024-1-128> EDN: PWAGQS
7. Синячкин В.П., Демченко А.С. Ценностный архетип «Дом» в автобиографической трилогии И. Шухова «Пресновские страницы» // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия «Литературоведение. Журналистика». 2019. Т. 24. № 4. С. 660–669. <https://doi.org/10.22363/2312-9220-2019-24-4-660-669> EDN: DRKRDA
8. Елеусизова М.Б. Мотивы дома и бездомья в романе Ф.М. Достоевского «Братья Карамазовы» // Полилингвильность и транскультурные практики. 2020. Т. 17. № 2. С. 231–244. <https://doi.org/10.22363/2618-897X-2019-17-2-231-244> EDN: YCCXYD
9. Шутова Е.В. «Дом» и «бездомье» человека: терминальный статус и формы бытия в культуре // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 7. Философия. 2011. № 1 (13) С. 85–89. EDN: OFACEJ
10. Непомнящий В.С. Поэзия и судьба. Москва : Сов. писатель, 1987. 390 с. EDN: TRJFLN

References

1. Afanasyeva, A.S. 2016. "The archetype 'home' in the Russian-language literature of Kazakhstan." *Polylinguality and Tanscultural practices*, no. 4, pp. 99–107. EDN: UUZHEV Print. (In Russ.)

2. Korobeynikova, A.A., and Yu. G. Pykhtina. 2010. "On spatial archetypes in literature." *Bulletin of the Orenburg State University*, vol. 11, no. 117, pp. 44–50. EDN: MWMMCJ Print. (In Russ.)
3. Krylova, O.S. 2024. *The concept of 'house' in Russian literature and its artistic interpretation in the novel "On Knives" by N. S. Leskov*: dissertation of the Candidate of Philology. Yoshkar-Ola. EDN: CISGRN Print. (In Russ.)
4. Morarash, M.M. 2017. "Semantic and cognitive study of the HOUSE concept in V. V. Nabokov's novel "Masha." *Scientific dialogue*, no. 8, pp. 104–115. <https://doi.org/10.24224/2227-1295-2017-8-104-115> EDN: ZEKHNF Print. (In Russ.)
5. Prokhorova, N. I. 2021. "Transformation of the expressive form of the archetype of the house in modern art." *International Journal of Humanities and Natural Sciences*, vol. 4–2, no. 55, pp. 109–111. <https://doi.org/10.24412/2500-1000-2021-4-2-109-111> EDN: UWITGO Print. (In Russ.)
6. Razova, E.L. 2024. "Ontological forms of human existence. The concept of 'House'." *Person. Culture. Education*, no. 1, pp. 128–149. <https://doi.org/10.34130/2233-1277-2024-1-128> EDN: PWAGQS Print. (In Russ.)
7. Sinyachkin, V.P., and A.S. Demchenko. 2019. "The value archetype 'House' in I. Shukhov's autobiographical trilogy "Presnovsky Pages". *Bulletin of the Peoples' Friendship University of Russia. The series "Literary Criticism. Journalism"*, vol. 24, no. 4, pp. 660–669. <https://doi.org/10.22363/2312-9220-2019-24-4-660-669> EDN: DRKRDA Print. (In Russ.)
8. Eleusizova, M.B. 2020. "Motives of home and homelessness in F. M. Dostoevsky's novel 'The Brothers Karamazov'." *Polylinguality and Transcultural Practices*, vol. 17, no. 2, pp. 231–244. Print. (In Russ.) <https://doi.org/10.22363/2618-897X-2019-17-2-231-244> EDN: YCCXYD
9. Shutova, E. V. 2011. "Home" and "homelessness" of man: terminal status and forms of being in culture." *Bulletin of the Volgograd State University. "Philosophy"*, vol. 1, no. 13, pp. 85–89. EDN: OFACEJ Print. (In Russ.)
10. Nepomnyashchy, V.S. 1987. *Poetry and fate*. Moscow: The Soviet writer. EDN: TRJFLN Print. (In Russ.)

Сведения об авторе:

Рябинина Марианна Владимировна — кандидат филологических наук, специалист научно-образовательной лаборатории «Марий йылме» Центра изучения уральских языков, доцент кафедры финно-угорской и сравнительной филологии, Марийский государственный университет, Российская Федерация, 424000, г. Йошкар-Ола, пл. Ленина, д. 1. ORCID: 0000-0001-8635-275X, eLibrary SPIN-код: 1167-0504. E-mail: mari.riabinina@yandex.ru

Bio note:

Marianna V. Ryabinina is a Candidate of Philological Sciences, specialist of the scientific and Educational laboratory "Mari Yilme", the Center for the Study of Uralic Languages, Associate Professor of the Department of Finno-Ugric and Comparative Philology, Mari State University, 1 Lenin Sq, Yoshkar-Ola, 424000, Russian Federation. ORCID: 0000-0001-8635-275X, eLibrary SPIN-code: 1167-0504. E-mail: mari.riabinina@yandex.ru